

УДК 82.0

DOI: 10.31029/vestiyali21/8

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ОБРАЗНОСТЬ И СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ
МЕМУАРНОГО ЖАНРА В ПРОИЗВЕДЕНИИ Г.-М. АМИРОВА
«СРЕДИ ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО ДАГЕСТАНА.
(ИЗ ДНЕВНИКА ГИМНАЗИСТА)»**

З. Р. Исмаилова

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского ФИЦ РАН*

Анализируется мемуарное сочинение Г.-М. Амирова «Среди горцев Северного Дагестана. (Из дневника гимназиста)», написанное на русском языке и отличающееся тонким психологизмом и подробным описанием бытовых деталей, а также редкими для литературы XIX века пейзажными зарисовками дагестанской природы. Отмечается характерная для того времени связь с фольклором.

Ключевые слова: мемуарный жанр, воспоминания, пейзажные зарисовки, психологизм, бытовые детали, топонимы, фольклорные образы, Гаджи-Мурад Амиров

The author analyzes G.-M. Amirov's memoir composition "Among the mountaineers of Northern Dagestan. (From the diary of a schoolboy)", written in Russian and characterized by subtle psychological insight and detailed description of household items, as well as a rare description of landscape sketches of Dagestan nature for the literature of the XIX century. A connection with folklore, characteristic of that time, is noted.

Key words: memoir genre, memories, landscape sketches, psychologism, everyday objects, place names, folklore images, Gadzhi-Murad Amirov.

Гаджи-Мурад Амиров родился в 1854 году в селении Урахи Даргинского округа Дагестанской области. В своем мемуарном произведении «Среди горцев Северного Дагестана. (Из дневника гимназиста)» Г.-М. Амиров пишет об истории своего рода, своей семье. После обучения в Ставропольской мужской гимназии Г.-М. Амиров эмигрировал в Турцию. Как отмечает А. М. Муртазалиев, этот отъезд был обусловлен в том числе безвременной гибелью его друга Гайдара Бамматова, студента-медика, по трагической случайности погибшего от заражения крови. Помимо этого, как видно из воспоминаний, написанных уже в Турции, у Г.-М. Амирова сложились напряженные отношения с директором гимназии, препятствовавшим гимназистам-мусульманам в отправлении их религиозных предписаний [6, с. 68].

Ф. О. Абакарова в статье «Русскоязычные этнографические очерки дагестанцев» пишет о влиянии на формирование личности Г.-М. Амирова русской и европейской литературы. Анализируя воспоминания Амирова, автор отмечает национальный колорит его пейзажных зарисовок, обилие примет быта, переданных с реалистической точностью [1, с. 30].

Г.-М. Амиров в своем сочинении пытается обрисовать также характерные черты своего народа. Так, он пишет о двух его особенностях – привязанности к своему оружию и страхе перед воинской повинностью, солдатчиной: «Горцы, кажется, готовы добровольно помириться со всеми нововведениями в их гражданском быту, с тем только условием, чтобы им были дарованы три права: первое – это носить оружие; второе – носить национальный костюм; третье – не идти в солдаты, т. е. чтобы их не подвергли воинской повинности. Второе их особенно не беспокоит, но первое и в особенности последнее составляют предмет их забот и опасений. Горец чрезвычайно привязан к своему оружию.

С другой стороны, до такой же степени он не расположен к солдатской службе. В его глазах перед этой службой самый ад ничто, несмотря на то, что “мухаммеданский ад” намного страшнее, чем Дантовский» [3, с. 57]. Характерно в данном отрывке также сравнение мусульманского и дантовского ада, что явно свидетельствовало о его европеизированном образовании.

Г.-М. Амиров выделяет еще одну характерную черту горцев – это любовь к свободе: «Ни одно чувство у горцев не развито так сильно, как любовь к свободе. Как понимается эта свобода – это другой вопрос. И единственно этой любовью к свободе замечаются в горах неприязнь ко всему “русскому”, т. е. европейскому» [3, с. 107]. Интересно, что Г.-М. Амиров, говоря о любви и стремлении своего народа к свободе, как бы задается вопросом – что есть свобода и насколько вообще возможна свобода отдельного человека. Характер его образования предполагает также и европейское понимание значения этого понятия – как внутреннего состояния человека и стремления к этому состоянию (Шефтсбери) [9]. Чувствуется некая амбивалентность авторского отношения – с одной стороны, сочувствия к своему народу, с другой – стремления привить ему еще духовные ценности иной культуры.

Характеризуя художественно-этнографические очерки, написанные на русском языке, С. Х. Ахмедов отмечает, что «ближе других к собственно художественной прозе подошел очерк Гаджи-Мурада Амирова «Среди горцев Северного Дагестана»» [5, с. 61].

Как нам кажется, немаловажной причиной редкой художественной выразительности сочинения Г.-М. Амирова являются пейзажные зарисовки автора, проникнутые любовью к дагестанской природе. Так, автор описывает прекрасный вид, подъезжая к родному селу после долгого отсутствия: «Было около часу дня, когда перед нами открылась живописная долина, среди которой возвышается на холмах и скалах еще более живописный и обширный аул... Это был самый дорогой для меня уголок во всем мире.

...Вообразите себе широкую четырехугольную долину, окруженную со всех сторон высокими горами, одинаковыми совершенно по высоте, но разными по характеру. На востоке и на западе она (долина) окаймлена тонкими гладкими хребтами, вершины которых увенчаны непрерывным рядом скал, будто гигантскую ступенью. Восточный хребет покрыт склонным лесом, а западный совершенно свободен от него, но покрыт восхитительной зеленью» [3, с. 5, 67].

Описание это явственно рисует нам горный пейзаж и село на его фоне, пожалуй, это одно из первых изображений природы в дагестанской литературе. Не будет, вероятно, ошибочным определить здесь влияние русской, даже европейской, литературы.

Так же эмоционально выразительна картина сельских работ в книге, данная автором уже в конце повествования: «Я подхожу к окну. Передо мною расстилается холмистое пространство, покрытое хлебами, на бледно-желтом цвете которых копошатся снежно-белые фигуры рабочих. Везде кипит работа, везде льются песни... шум действующих серпов представляется чудными звуками какого-то волшебного инструмента» [3, с. 74].

Рассматривая очерк Г.-М. Амирова, Ф. О. Абакарова отмечает, что он, «насыщенный уникальными этнографическими реалиями, интересен как культурный документ времени, в котором сделана попытка осмысления национальной жизни через конкретное изображение быта, нравов, обычаев даргинцев... Обращает на себя внимание высокий уровень качества

переводов даргинских фольклорных текстов на русский язык, когда сохранен смысл оригинала, национальный колорит и поэтическая образность» [2, с. 9–10].

Хотелось бы отметить здесь также сложную жанровую форму произведения Г.-М. Амирова. Подзаголовок «Из дневника гимназиста» и разделение текста на даты не более чем формообразующие элементы, это, конечно, воспоминания, так как для дневника необходим ряд признаков, отсутствующих здесь, и прежде всего соотнесенность с моментом написания, что не нужно для воспоминаний. Таким образом, в данном сочинении воспоминания написаны в дневниковой форме с элементами этнологических и социально-исторических изысканий.

Стилю Г.-М. Амирова так же, как и стилю Абдуллы Омарова, автора этнографического очерка «Воспоминания муталима» [7; 8], присуще обилие бытовых деталей и этнонимов. В то же время стиль Амирова отличается большим психологизмом и рефлексией. Так, автор психологически проникновенно описывает свое душевное состояние, состояние отчужденности, которое он чувствовал, от того, что земляки смотрели на него как на чужака, несмотря на привычный костюм.

В произведении немало мыслей автора, обращенных к жизни его народа, к его будущему.

Автор подчеркнуто объективен, характеризуя родные обычаи и традиции, но порой, описывая, например, случай кровной мести, передающейся из поколения в поколение, не может удержаться от выражения сожаления и скорби (такова история Саида и его сыновей) [3, с. 36].

В тексте нередки даргинские этнонимы – «кумай», «чугур», «чугурчи», «явиться перед Аллахом с “черным” лицом» (проклятие), «мур’а», «андживахъ» (весенний праздник). Автор описывает очень любопытный случай сельского права, когда одному человеку, жителю некоего села, джамаат не позволил построить второй этаж в своем доме, так как его дом выходил на сельскую дорогу, по которой перегоняли скот. Зимой же, если бы дом вырос еще на этаж, он закрыл бы идущий на дорогу солнечный свет, вследствие этого животные в зимнее время шли бы по обледенелой дороге и могли травмироваться и даже убится. Несмотря на то, что этого человека поддержал наиб, назначенный русской администрацией, судья, выбранный джамаатом, решил дело не в его пользу, и строить еще один этаж ему не позволили. Тут очевиден конфликт русского права и сельских горских адатов. В данном случае адаты оказались сильнее, и автор явно на их стороне, так как не могут интересы одного человека наносить вред всему селу.

Портрет отца в воспоминаниях Г.-М. Амирова, пожалуй, очерчен детально полно и подробно. Автор вкратце сообщает его биографию. «В молодости отец отличался самым буйным и чисто горским характером, занимаясь отчаянным разбойничеством и участием во многих набегах» [3, с. 3]. Позднее, в зрелые лета, он остепенился, и автор с любовью и гордостью создает портрет отца, описывает его независимый, гордый нрав, его справедливость, силу характера, которая проявлялась не только на поле боя, но и в отношении воспитания сыновей. Он подчеркивает, что отец стремился вырастить их истинными горцами, мужчинами, мусульманами, почитающими обычаи и традиции своего народа.

Характерно, что в речах отца, обращенных к автору и его брату, приведенных в тексте, нередки не только наставления и упования на творца, но и выражения, являющиеся калькой, буквальным переводом с родного языка: «Да отвратит вас Бог, дети мои, от ложного пути, чтобы отец ваш не явился к Нему с “черным лицом”». Выражение «Предстать перед Всевышним с “черным лицом”» – одно из наиболее значимых проклятий у народов Дагестана. Использованное в речи отца, оно усиливает и без того сильное впечатление от его личности, созданное в воспоминаниях Г.-М. Амирова.

Образ отца, наделенного патриархальными чертами, стремящегося внушить строгие правила своим сыновьям, – это один из самых впечатляющих и удачных образов книги. В нем, несмотря на бурно проведенную молодость, сочетаются лучшие черты дагестанца –

уважение к религии предков, к обычаям прошлого и вместе с тем стремление дать детям образование, сделать их полноправными гражданами современного им общества. Это, как видно из текста, стоило ему немалых трудов и тягот – непонимание и упреки даже жены, не говоря уже о других родственниках и друзьях, насмешки его недругов. Все это он стойко переносил ради высшего блага своих детей, хотя и сам страшился нежелательных для него перемен в их характере и поведении – пренебрежении к своей вере, обычаям своего народа и так далее.

Хотя автор в своем дневнике скрупулезно описывает местность, климат и местные обычаи, это не сухое, не сугубо научное описание, язык Г.-М. Амирова отличается выразительностью и эмоциональностью, он не жертвует при этом достоверностью, являющейся определяющим структурным признаком, свойством мемуарного жанра. Несмотря на дневниковую форму, сочинение Г.-М. Амирова является скорее воспоминаниями, местами переходящими в эссе, с частыми вкраплениями этнологического и исторического характера. Порой в тексте повествования непосредственное эмоциональное впечатление автора при виде пейзажей, видов родной природы приходит в столкновение, даже в противоречие с суровыми жизненными реалиями. Так, восторгаясь красками лесов и зелени на горных склонах и долинах, автор замечает изменение их цвета из-за долгого отсутствия дождей. Зная, что ростки на посевах являются нередко единственным достоянием каждого жителя, чувства автора выражаются уже не в мажорной, а в минорной тональности [3, с. 6].

Как уже упоминалось выше, язык Г.-М. Амирова очень своеобразен. В нем ощущается речь человека, получившего русское светское образование, нередко галлицизмы, что характерно для литературного русского языка XIX века. В то же время там много этнонимов, вкраплений из родного языка. Несомненно, что автор обращается прежде всего к русской аудитории, в тексте немало подробностей, характеризующих характер горцев, их быт, обычаи. Интересная деталь – почти везде использовано слово Бог, а не Аллах, даже в речи отца.

Важное место в воспоминаниях Г.-М. Амирова занимает рассказ о кровной мести. Этот рассказ, по сути, вставная новелла, как бы метатекст в его книге, по сюжету мало связан с повествованием. Но по своей трагической глубине и пронзительности является очень важным и определяющим для восприятия текста записок.

Бессмысленность и беспощадность кровной вражды, мести вообще, как нам кажется, показана Г.-М. Амировым в этой трагической истории семьи. Характерно также, что лишь здесь, в этом эпизоде воспоминаний Г.-М. Амирова, автор употребляет слово «Аллах», а не «Бог», которое он приводит везде, в разговорах, своей речи и речи иных персонажей как перевод слова «Аллах».

Завершаются воспоминания или дневник (как по форме они названы автором) несколькими сценами сельского суда. Кстати, это не логический конец текста воспоминаний, они как бы обрываются, хотя, возможно, в этом и был авторский замысел. В сценах суда очень интересно и характерно сочетание, соединение, а нередко и конфликт трех составляющих частей тогдашнего права – шариата, старинных горских обычаев (адатов) и нового, европейского или недавно введенного российского права, которые нередко противоречат друг другу.

В сценах суда, производимого по различным канонам, Амиров улавливает противоречия этих канонов, их нестыковки. Но и здесь определяющим является общественное мнение джамаата – собрания видных горцев села, прежде всего его стариков. Именно на него ориентируются судьи, вынося свой вердикт. Попытки наива вмешаться, опираясь на российское право, встречают твердый отпор судей и общественного мнения. Но все же адаты тоже начинают меняться, уступая времени и новым взглядам на правосудие.

Так, приводя случай судебной ошибки, когда джамаат, руководствуясь адатами, объявил некоего человека виновным в убийстве и приговорил к изгнанию, автор показывает, что джамаат, руководствуясь адатом, не отменяет приговора, хотя настоящий убийца уже соznался. Его также приговаривают к изгнанию, но невинно осужденного не возвращают в се-

ло, так как адаты запрещают менять принятое уже решение. Весь ужас этого судебного заседания достигается также совершенно бесстрастным авторским изложением, так как Г.-М. Амиров, воздерживаясь от комментариев, старается объективно излагать факты. Это оказывает не менее сильное впечатление, чем любые авторские ремарки [3, с. 39].

Одной из тем, поднятых в мемуарном сочинении Г.-М. Амирова, была проблема солдатчины. Страницы воспоминаний, посвященные вынужденной эмиграции людей, идущих на разрыв со своими корнями из страха за будущее сыновей, одни из наиболее выразительных, поражающих художественной силой и трагизмом. Здесь можно вспомнить известное положение Аристотеля о катарсисе, где герой переживает события, испытывая сострадание и страх, которое осмысливаешь, читая эти строки [4, с. 157]. Трагическое противоречие внешнего благополучия – семья была вполне обеспеченная, крепко стояла на ногах, все вполне успешно зарабатывали, но глава семьи принял нелегкое решение уехать в Турцию, чтобы уберечь сыновей от возможной угрозы стать рекрутами в армию. Автор показывает полную драматизма сцену, когда эта всеми уважаемая, вполне благополучная семья вынуждена уезжать на чужбину, гонимая страхом за судьбу своих сыновей [3 с. 60–61].

Было бы несправедливо утверждать, что Г.-М. Амиров в своих воспоминаниях приводит и описывает лишь мрачные, трагические стороны жизни горцев. Напротив, его книга пронизана светлым, жизнеутверждающим мироощущением. Так, например, в его мемуарном сочинении описано немало примеров проявления горского юмора. Таков, скажем, образ Алиших-Аци, веселого, остроумного старика, чьи рассказы и шутки немало утешали и отвлекали автора, поневоле скучавшего в ауле.

Произведение Г.-М. Амирова «Среди горцев Северного Дагестана. (Из дневника гимназиста)» останется одним из наиболее талантливых, своеобразных и замечательных как в художественном, так и в познавательном аспектах в дагестанской мемуарной литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абакарова Ф. О.* Русскоязычные этнографические очерки дагестанцев // Дагестанская литература во взаимодействии с литературами народов СССР: сб. ст. Махачкала, 1985. С. 31–41.
2. *Абакарова Ф. О., Алиева Ф. А.* Очерки устно-поэтического творчества даргинцев. Махачкала, 1999. 258 с.
3. *Амиров Г.-М.* Среди горцев Северного Дагестана. (Из дневника гимназиста) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 1–77.
4. *Аристотель.* Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2000. 224 с.
5. *Ахмедов С.Х.* Художественная проза народов Дагестана. История и современность. Махачкала, 1996. 280 с.
6. *Муртазалиев А.М.* Творчество Мурад-Бея Мизанджи (Х.-М. Амирова) в контексте литературы дагестанской диаспоры Турции (вторая половина XIX – начало XX в.). Махачкала, 2004. 318 с.
7. *Омаров А.* Воспоминания муталима // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. I. Раздел VII. С. 14–64.
8. *Омаров А.* Воспоминания муталима (Окончание // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. II. Раздел VI. Этнографические очерки. С. 1–70.
9. *Шефтсбери Т.* Эстетические опыты. М.: Искусство, 1975. 546 с.

Поступила в редакцию
12.02.2020.

Исмаилова Зарема Рамазановна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН;
e-mail: iyalidnc@mail.ru

Ismailova Zarema Ramazanovna, Candidate of Philology, research worker, the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, DFRC of RAS;
e-mail: iyalidnc@mail.ru